

Борис Орлов.
«Пионер»,
2000–2012 годы

брали и растащили на сувениры. А потом дело дошло и до державы.

В школу Ниджат и Боб пошли в 1991-м (20 долларов за баррель). Никаких тебе галстуков, никаких звездочек, ни малейшей надежды на полет, никакого личного опыта двоемыслия и густопсового советского цинизма. Зато по телевизору — сплошные улицы разбитых фонарей да старые песни о главном. Выбирай, как говорится, сердцем.

Одно дело — с умилением рассматривать свои старые фото, другое — примерять пилотки старших братьев и завидовать родителям, пившим еще божественный «Солнцедар» и вкушавшим от щедрот общепита пасту «Океан» на державном пиру развитого социализма, под лучами солнца с советского пятикопеечного герба. Избавленные от интимного переживания советского опыта, «тридцатилетние» сейчас яростнее всего в отстаивании ценностей социализма, его здравоохранения, образования, торговли и легкой промышленности, среднего машиностроения и кибернетики, умных книжек, добрых фильмов и прекрасных мультиков, миролюбивой внешней политики и прочих умильных благ, которых лишили их злая судьба, Горбачев, Ельцин, демократы, либералы, масоны, свиньи из НАТО и крысы из США.

А что Гагарин? Ну да, и Гагарин, там же, где БАМ, в одном президиуме с Сергеем Михалковым. Спит, кажется, а может, просто задумался.

Конечно, и в предыдущем поколении есть верные сторонники социалистического выбора (в том числе — профессиональные, вроде заурочно-задорной комсомолки Дарьи Митиной). Но такое очищение исторической эмоции от индивидуальной памяти в соединении с сожалением от опоздания сопутствует именно в этом поколении накалу реконструкторской советофилии (часто совмещенной с какими-то совсем уже дикими дугообразными конспирологическими фантазмами).

Страстность этого чувства, конечно, скрывает страх. Стабильность последних тучных нефтяных лет, когда «тридцатилетние» социализировались и обзавелись кое-чем, слишком напоминает позднебрежневское время. Все помнят, чем кончилось тогда. Многие боятся, что так же кончится теперь. Не до Гагарина, братцы, когда НАТО у порога. Точит зубы на наши недра, зарится на наших детей. Надо что-то делать.

3. Двадцатилетние: третья попытка

А тут уже подрастают помалу и старшие дети «сорокалетних». Рожденные в 1993-м (17 долларов за баррель) еще смутно помнят дискеты, но уже давно не пользуются компакт-дисками. Для них девяностые и все их ужасы — уже не личные воспоминания, но всего лишь семейная мифология, а советское время — вообще баснословие, где трудно различаются периоды и реалии, и товарищ Сталин запускает в

космос Гагарина, Ленин борется со стилистами, а Хрущев... нет, Хрущев все-таки неотделим от кукурузы.

«Но главное не это. Главное — Победа», — настаивают старшие товарищи.

Распространение массового сталинобесия и георгиевских ленточек приходится на 2005 год (54,4 доллара за баррель против 38,3 в 2006-м). Кажется, дальше процесс развивался уже в прямой зависимости от мировых цен на нефть марки «брент», перекинувшись вскоре на сопредельные страны и отложившись в модах, дизайне, словарных и фольклорных новациях. А потом и в военных реляциях.

Идеология, стоящая за ленточками, отчетливо консервативна (слово «реакционный» для людей моего поколения табуировано, хотя тут стоило бы употребить именно его). Конечно, это — ремейк брежневской мифологии Великой Отечественной. Нынешние шестидесяти- и пятидесятилетние, те, кто одобрял десять лет назад идею нынешних «сорокалетних» переодеть нынешних «тридцатилетних» прыщавых «нашистов» и «молодогвардейцев» в плащ-палатки, сами ставили в буфафорской форме с учебным оружием у Вечного огня (мне тоже приходилось).

Никакого места для Гагарина в этом мифе нет. Если ракеты — то такие, чтобы фашистов в радиоактивный пепел. Если Луну покорять — то грузному Рогозину с боеголовкой наперевес, для оборонных целей.

Парадоксальным образом у всего этого тигриного зоологического карнавала есть обратная, не предусмотренная политтехнологами сторона. Двадцатилетние не любят диктатора и на все это георгиевское шевеление поглядывают со скепсисом, распространяя его заодно и на те классические советские тексты, по лекалам которых строят свои реконструкции их старшие братья. Новый виток рефлексии над советским прошлым, очищенный от слащавой ностальгии и антимодернизационного ressentimenta, возвращает «двадцатилетних» к левой идее в самом общем либеральном изводе. К социальным проектам, направленным не на реконструкцию и не на небывалую «консервативную революцию» под девизом «Нижний палеолит — светлое будущее человечества», но на осмысленную модернизацию. Конечно, можно и в этом увидеть унылое вечное возвращение, очередной ремейк — на этот раз советского шестидесятилетия с его комиссарами в пыльных шлемах и мебелью, изрубленной дедовской шашкой будущего кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством» (ста сорока трех степеней) О. Табакова.

Может, и так. А может, повезет — и новое поколение придумает какие-нибудь более осмысленные слова для песни о любви к Гагарину. Потому что мы его и правда любим.

Не знаю, как вы, а я очень внимательно стал следить за ценами на нефть.

Хотя песни все равно — важнее.